

Как только Цзин Хуайюй и его люди пересекли границу Шалиня, он сразу велел страже снять с Лин Шу кандалы. Походный лекарь не отходил от раненого ни на шаг, усердно выхаживая его и меняя снадобья. Не прошло и трех дней, как во время ночлега на постоялом дворе в небольшом городке Лин Шу наконец пришел в себя. Оглядевшись по сторонам, он увидел простые, даже скудные стены незнакомой комнаты и на миг растерялся.

Память твердила, что он должен находиться в холодной темнице за Великой стеной, на чужбине. Как же он оказался здесь, словно в зыбком сне? Лин Шу повернул голову. Чуть поодаль сидели лекарь и Цзин Хуайюй, помощник министра ритуалов. Когда-то они мельком виделись во дворе императора. Тогда Лин Шу даже не взглянул на него толком, но сейчас сразу вспомнил, кто перед ним.

Он попытался заговорить, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. Заметив движение, Цзин Хуайюй поспешно поднялся со своего места и подошел к постели:

— Господин Лин, вы очнулись? Ну и долго же вы спали! Эй, кто-нибудь!

В комнату тотчас вошли братья Дун Чунь и Дун Гэ, преданные слуги Лин Шу. Дун Гэ бережно приподнял хозяина, помогая ему сесть, а Дун Чунь осторожно поднес к его губам чашу с водой. Сделав несколько глотков, Лин Шу едва слышно спросил:

— Где мы?

— Наш скромный отряд исполняет волю императора, — ответил Цзин Хуайюй. — Я везу вас обратно в столицу. От заставы Фэньюй мы отъехали уже больше чем на триста ли.

Лин Шу промолчал. Сознание, затуманенное лихорадкой, постепенно прояснялось, мысли обретали привычную остроту.

— Значит, у тебя на руках указ?

Цзин Хуайюй почтительно кивнул и в подробностях изложил все, что произошло. Лин Шу слушал бесстрастно, не выдавая чувств ни единым движением брови.

— Ваша поездка на границу преследовала лишь одну цель — сберечь алтарь и трон государства Да Янь, — закончил Цзин Хуайюй. — Его Величество никогда бы не обрек вас на казнь. Тот указ и грозные речи — лишь вынужденная мера, чтобы усыпить бдительность Князя Чжао.

Выслушав его, Лин Шу осторожно отвел руку Дун Чуня с пиалой.

— На постоялом дворе Ветра и Облаков, который уничтожил пожар, я оставил одну вещь. Гвардейцы Ичжэнь должны были заметить мои знаки. Удалось ли доставить ее Его Величеству?

Лин Шу знал, что император Ян Тао благоволил Цзин Хуайюю, но не догадывался, насколько глубоко это доверие, да и не придавал тому значения. Потому он высказался туманно, не уточняя, о какой именно вещи идет речь. Цзин Хуайюй, однако, сразу все понял. Скользнув взглядом по лекару и стражникам, он властно бросил:

— Выйдите все.

Когда за слугами закрылась дверь, Цзин Хуайюй заговорил вполголоса:

— Насколько мне известно, Его Величество получил отправленные вами бумаги. Однако, опасаясь за вашу жизнь, он не мог открыто выступить против Князя Чжао, а потому повелел мне тайно вывезти вас. Еще до моего прибытия вторая группа гвардейцев Ичжэнь пыталась выкрасть вас из лагеря князя, но не преуспела — едва сами не попались. Военный лагерь Князя Чжао укреплен и охраняется на редкость строго. Этот человек действительно одарен выдающимся умом и... безмерным честолюбием.

Лин Шу внимательно выслушал его и холодно обронил:

— Моя жизнь — ничто по сравнению с благом государства. Сейчас важнее всего без промедления сокрушить изменников, пока их яд не отравил всю страну.

Цзин Хуайюй искоса взглянул на него и, помолчав, добавил:

— Я уже отправил в столицу срочное послание о том, что вы спасены. Как только Его Величество получит весть, он незамедлительно двинет гвардию. Поскольку Князь Чжао успел набрать недюжинную силу, войска у Трех застав также приведены в боевую готовность и выступят по первому сигналу.

— Вот как? — Лин Шу прищурился. — В таком случае мне незачем возвращаться в столицу. Я поеду к заставам и своими глазами увижу, как раздавят это осиное гнездо.

— Полноте, господин Лин! — испуганно возразил Цзин Хуайюй. — Перед отъездом Его Величество строго-настрого наказал мне доставить вас в Чанъань в целости и сохранности. Прошу вас, не губите мою голову, не заставляйте идти против воли государя.

— Я не вернусь, — отрезал Лин Шу.

Он говорил спокойно, почти равнодушно, но в этом тоне сквозила ледяная, несокрушимая упрямость. По спине Цзин Хуайюя невольно пробежал холодок. Вглядываясь в бледное, суровое лицо собеседника, он подумал: «Неудивительно, что император снабдил меня особым письмом на крайний случай. Он знает тебя как никто другой».

Перед отправлением Ян Тао действительно предупредил Цзин Хуайюя: если Лин Шу

заартачится и наотрез откажется возвращаться, нужно отдать ему личное послание императора. Помощник министра достал из-за пазухи свиток и с глубоким поклоном протянул его:

— У меня есть личное письмо от Его Величества, предназначенное только вашим глазам.

Лин Шу нехотя взял свиток, развернул его и нахмурился. Внутри лежал абсолютно чистый лист бумаги. Он удивленно поднял взгляд на Цзин Хуайюя:

— И что это значит?

Тот удивленно вытянул шею, заглянул в свиток и сам лишился дара речи. Опомившись, он неуверенно пробормотал:

— Должно быть... Его Величество вложил в это некий скрытый смысл?

Лин Шу с досадой швырнул бумагу на постель.

— Какой еще скрытый смысл?! Государь всегда пишет мне на бледно-желтой бумаге с императорскими драконьими узорами. А это — дешевый лист простого полотна, да еще и не из дворцовых мастерских. Тебя обокрали, глупец! Свиток подменили.

От ледяного тона Лин Шу у Цзин Хуайюя задрожали поджилки. Он и прежде побаивался этого человека, а теперь и вовсе попятился на пару шагов, лепеча в оправдание:

— Е-если указ и подменили, то сделать это мог только маркиз Хуайнань! В тот день лишь он один подходил ко мне вплотную...

Услышав имя маркиза Хуайнань, Лин Шу нахмурился еще сильнее, взгляд его стал угрюмым и колючим.

— Я не поеду в столицу, — глухо произнес он. — Немедленно отправлю Его Величеству доклад, а сам двинусь к заставам. Эй! Бумагу и тушь!

Братья Дун вошли в ту же секунду. Бесцеремонно отпихнув помощника министра в сторону, они споро разложили письменные принадлежности. Лин Шу занес кисть над листом, но когда он поднял руку, широкий рукав скользнул вниз. Он замер, заглядевшись на тонкий белый шелк своей исподней рубахи. На лице его отразилось крайнее изумление.

— Чьи это вещи на мне надеты? — требовательно спросил он. — Чье белье на меня нацепили?

— Господин, когда мы нашли вас, вы уже были в этой рубахе, — отозвался Дун Чунь. — А верхнее платье висит вон там.

Слуга указал на вешалку из темного вяза, где висело нарядное, нежно-розовое, вишневого цвета, дорогое одеяние. Лин Шу проследил за его взглядом, и в мгновение ока лицо его побелело как полотно. Братья не успели сообразить, в чем дело, как раздался оглушительный грохот — Лин Шу яростным движением смахнул с постели резной столик вместе с тушечницей, кистями и бумагой.

Стоявший поодаль Цзин Хуайюй испуганно вздрогнул и поспешил отступить еще дальше, пряча руки в широкие рукава.

За долгие годы службы братья привыкли к суровому и безжалостному нраву своего господина. Он мог быть беспощаден на допросах, но к своим слугам всегда относился щедро, не скупясь на награды, и никогда не позволял себе подобных вспышек слепого гнева. Растерявшись, они робко пролепетали:

— Г-господин...

С трудом сдерживая kloкочущую внутри ярость, Лин Шу тяжело задышал. Прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить сквозь зубы:

— Принесите воды. Я хочу смыть эту грязь. Найдите мне чистую одежду из наших запасов, а это тряпье... сожгите немедленно!

Пока слуги грели воду, топили купальню и спешно искали новое платье, наступила глубокая полночь. Цзин Хуайюй проявил поразительное терпение: все это время он безропотно ждал за дверью и вошел только тогда, когда буря в покоях улеглась. Но Лин Шу больше не притрагивался к кисти. Он устало взглянул на чиновника:

— Завтра я уезжаю к Трем заставам. Возвращайся в столицу и доложи обо всем Его Величеству.

Видя, что Лин Шу ни в грош не ставит его достоинство императорского посланника, Цзин Хуайюй затаил обиду. Однако показывать досаду не решился и кротко возразил:

— Помилуйте, Его Величество повелел мне привезти вас назад. Если вы самовольно отправитесь на передовую, я просто лишусь головы за невыполнение священной воли государя.

Лин Шу смерил его ледяным, пронизывающим взглядом:

— Ну так не возвращайся. Езжай со мной.

— Но... как же... — опешил тот.

— Я устал, — оборвал его Лин Шу. — Господину Цзину тоже пора отдохнуть.

Жестом показав слугам выпроводить гостя, он лег на постель.

На следующее утро Лин Шу со своими людьми без лишних сборов выдвинулся к заставам. Сжав зубы, Цзин Хуайюй поспешил следом за ним.

— Что ж, господин Лин, коли так — я разделю с вами эту дорогу, пусть даже это будет стоить мне жизни, — обреченно вздохнул он. — Однако я обязан немедленно отправить Его Величеству отчет о нашей поездке.

— Твое дело, — равнодушно обронил Лин Шу.

Его раны еще не затянулись, тело терзала слабость, но он упрямо держался в седле. Видя его непреклонность, Цзин Хуайюй и остальные могли лишь смириться и покорно следовать за ним.

На исходе пятого месяца года над империей Да Янь внезапно сгустились грозовые тучи. Будто в одночасье по всем провинциям разнеслась весть: Князь Чжао Ян Си замышляет черный мятеж и тайно копит силы на окраинах. Вслед за слухами из столицы выступила Центральная императорская гвардия во главе с великим генералом Вэй Мэндо, вздымая за собой клубы дорожной пыли. Тем временем охранявший Боковую заставу генерал Ло Ин получил высочайший указ и немедленно двинул свои полки на запад. Изменникам, засевшим у заставы Фэньюй, грозил неминуемый сокрушительный удар с двух сторон: император твердо вознамерился выжечь крамолу каленым железом.

Как раз в те дни Ян Си отправил Ян Е в Вишнёвое ущелье — проверить готовность лагерей и переговорить с тамошними воеводами. Это благодатное ущелье, протянувшееся на шестьдесят ли в длину и шесть ли в ширину, укрылось всего в тридцати ли от заставы Фэньюй. Благодаря закрытому расположению здесь царил удивительно мягкий и влажный климат. Склоны гор поросли буйной зеленью и цветами, заставляя забыть о суровых ветрах пустыни, — настоящий оазис у самой границы, не уступающий красотой южным провинциям. Именно в этой зеленой долине Князь Чжао тайно укрыл пятнадцать тысяч отборных воинов, которые мирно обрабатывали возделанные в ущелье пашни под видом простых крестьян.

Отыскав в лесной чаще дикие персиковые деревья, усыпанные спелыми сочными плодами, Ян Е вместе со своими телохранителями устроил веселое пиршество, обрывая ветки без всякого зазрения совести. В разгар этой забавы его настиг срочный призыв Ян Си немедленно явиться в главный штаб. Только тогда Ян Е с ужасом понял, что в своем беззаботном веселье опоздал против назначенного срока аж на два дня.

Пришпорив коней, Ян Е сломя голову помчался обратно к заставе Фэньюй. Влетев в главный шатер, он застал там гнетущую, ледяную тишину. Ян Си восседал во главе стола, окруженный

доверенными военачальниками и советниками, среди которых выделялся генерал Правой гвардии Юань Оумин. Лица собравшихся были суровы и мрачны.

Ян Е быстро окинул взглядом шатер, но Бэйчэнь Цина среди присутствующих не обнаружил. Заметив, что Ян Си насупился и явно собирается задать ему хорошую трепку за опоздание, он тут же подскочил ближе и заискивающе заулыбался:

— Брат, ты только не сердись! Я наткнулся в горах на чудесные персиковые деревья и набрал целую корзину самых сладких для тебя! Видишь, даже в походах я в первую очередь думаю о тебе!

Он по-свойски положил руку на плечо брата. Ян Си, качнув головой, мягко, но настойчиво усадил его рядом с собой.

— Из столицы вышли карательные отряды, — негромко произнес он. — Идут на нас. С юга движется гвардия под началом Вэй Мэндо, а со стороны Трех застав к нам в тыл заходит генерал Ло Ин.

Ян Е лишь презрительно усмехнулся:

— Что ж, этого и следовало ожидать. Рано или поздно они бы решились.

Ян Си медленно перевел взгляд на собравшихся офицеров.

— Два года мы проливали кровь на этой границе, сдерживая натиск государства Сицзя, но Его Величество так и не удостоил нас доверием. Нам урезали провиант и жалованье, задерживали припасы, а теперь, поверив наветам завистников, объявили мятежниками. Императорская армия идет сюда огнем и мечом. Разорение мирных земель — полбеда, но если вспыхнет междоусобица, коварные сицзясцы не упустят случая ударить в спину и поживиться на наших костях. Братья мои! Мы годами защищали эти рубежи, хороня товарищей в суровых походных саванах. И вот какая награда нас ждет. Скажите мне: встретим ли мы карателей с оружием в руках или безропотно подставим шеи под топор палача? Я хочу выслушать каждого.

Военачальники, сидевшие в шатре, были молоды и горячи — за прошедшие два года Ян Си под разными предлогами отослал опытных пожилых генералов в столицу или оставил у застав. Офицеры переглядывались, но молчали. Князь всегда славился справедливостью, щедро награждал за подвиги и строго карал за проступки (разве что к непутевому маркизу Хуайнань питал необъяснимую слабость), оттого подчиненные преданно любили его. И даже если у кого-то в душе зародилось сомнение, высказать его сейчас, под тяжелыми взглядами соратников, никто не осмеливался.

Выждав некоторое время и поняв, что никто не спешит нарушать молчание, Ян Си негромко продолжил:

— Вы все молоды, и перед вами открыты великие пути. Если кто-то считает наше дело неправым — я не держу вас. Можете уйти прямо сейчас, и мое напутствие будет мирным. Но те, кто останется со мной до конца, получают от меня клятву: в грядущие дни вы обретете славу и богатство, превосходящие любые ваши мечты.

Он терпеливо выждал еще минуту, но никто не тронулся с места. Тогда Ян Си благодарно кивнул:

— Спасибо вам. У кого-нибудь из вас остались семьи в столице?

Все отрицательно покачали головами.

— У меня тоже никого там нет, — жестко произнес князь и поднялся во весь рост. — Призовите Бай Тинби. Пусть составит манифест и объявит на всю империю: раз уж подлые временщики затуманили разум государя и ввергли страну в хаос, я, как верный слуга престола, обязан очистить двор от скверны! Ступайте, готовьте полки к бою. Как только вернется генерал Бэйчэнь, мы принесем жертвы духам предков и окропим кровью наши боевые знамена!

Когда шатер опустел, Ян Си крепко сжал руку брата.

— Сяо Лан... как думаешь, они действительно верны мне? Никто не предаст?

Ян Е почувствовал, что ладонь брата взмокла от холодного пота. Лишь в этот миг он осознал, сколько воли требуется вечно спокойному Ян Си, чтобы скрывать свой страх. Страхнув привычное легкомыслие, юноша серьезно и преданно заглянул ему в глаза:

— Брат, отбрось сомнения. Если кто-то из них посмеет вильнуть хвостом — я лично перережу ему глотку!

Ян Си облегченно вздохнул.

— Эти воины молоды, бесстрашны, им нечего терять в столице, и они преданы мне. Лучших союзников не сыскать, но им нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью об открытом мятеже. Однако меня тревожат две вещи. Первая — это генерал Правой гвардии Юань Оумин. Прежде он служил под началом генерала Вэя, его конница обучена безупречно, а сам он — прирожденный тактик. Его двадцатитысячный отряд кавалерии — наш главный козырь. Но Юань Оумин родом из Цзяннани, а южане хитры и изворотливы. Трудно понять, действительно ли он готов разделить с нами этот безумный риск или затаился, выжидая удобного момента для удара в спину.